

Революціонная группа соціалистовъ.

КЪ РУССКИМЪ РАБОЧИМЪ.

Товарищи!

Не первый уже годъ ведете вы стойкую борьбу противъ своихъ угнетателей, не разъ уже приходилось вамъ рѣзко сталкиваться съ темными силами полицейскаго гнета и самовластія. Въ вашемъ лицѣ, въ лицѣ сознательныхъ рабочихъ, впервые выросъ могучій противникъ царящаго у насъ произвола и безправія. Но до сихъ поръ рабочій классъ почти не имѣлъ союзниковъ въ этой борьбѣ. Правда, наиболѣе рѣшительная часть нашей интеллигенціи — учащаяся молодежь — также не молчала: студенческими безпорядками протестовала она противъ облеченныхъ властью гасителей всякой свободной мысли, всякаго независимаго убѣжденія. Однако до сихъ поръ студенческое и рабочее движеніе стояли одиноко и обособленно: студенты и рабочіе, каждые за свой собственный рискъ и страхъ, вступали въ единоборство съ могущественнымъ противникомъ, остальная масса населенія держалась въ сторонѣ, какъ посторонній, равнодушный зритель.

Только за самые послѣдніе дни, во время шумныхъ народныхъ демонстрацій въ Харьковѣ, Кіевѣ, Петербургѣ и Москвѣ, студенческое и рабочее движеніе слились въ одинъ общій потокъ. Зашевелились вмѣстѣ съ тѣмъ и другіе слои нашего общества. Ремесленники, мелкіе приказчики, писатели, даже отдѣльные чиновники и офицеры, — всѣ, въ комъ еще бьется свободное человѣческое сердце, — соединились съ рабочими и студентами въ общемъ протестѣ противъ господства кулака и ногайки.

Какъ же отнеслось къ этому знаменію времени наше правительство? Какъ отвѣтило оно на этотъ „гласъ народа„.

Да такъже, какъ и всегда: свистомъ плетей и ударами сабель.

Вы всѣ помните ужасныя сцены, разыгравшіяся 4-го марта въ Петербургѣ, на Казанской площади. Дикая, пьяная орда казаковъ налетѣла на безоружную толпу, разсыпая направо и налѣво удары ногайками; „христолюбивое воинство“ ворвалось въ церковь въ серединѣ богослуженія; беззащитныхъ дѣвушекъ хватали за волосы, били о каменныя плиты собора въ то самое время, какъ съ амвона лицемѣрно раздавались слова христіанской любви и всепрощенія. И это продѣлывали слуги нашего „благочестивѣйшаго“ царя, исполнители воли нашего „православнаго“ правительства. Залить кровью человѣческой храмъ божій, дикимъ гиканьемъ заглушить звуки пѣснопѣній, — это все въ порядкѣ вещей, это вполнѣ мирится съ

духомъ истиннаго православія. А вотъ если великій писатель земли русской, гордость и слава нашей родины, имѣетъ дерзость иначе вѣрить въ Бога, чѣмъ господинъ Побѣдоносцевъ, тутъ уже другое дѣло: такого ужаснаго грѣха не прощаетъ ни наша святая церковь ни наше богобоязненное правительство, и надъ престарѣлой головой Льва Николаевича разражается проклятіе поповъ, ему грозятъ полицейскія кары.

Но, быть можетъ, мы не вправѣ обвинять царя и его правительство въ преступленіи 4-го марта, быть можетъ, царь такъ же возмущенъ казацкой расправой, какъ и мы съ вами? Увы, на этотъ счетъ не возможны уже никакія сомнѣнія. „Надежа - Государь“ поспѣшилъ выразить свое полное сочувствіе башибузукамъ; мало того, онъ объявилъ ихъ священныя особы неприкосновенными, всякую критику ихъ дѣйствій — преступной. Членъ государственнаго совѣта, князь Вяземскій, получилъ строгій высочайшій выговоръ только за то, что въ ужасѣ бросился къ Клейгельсу, умоляя его прекратить дикое побоище. Да, казацкая нагайка, — вотъ трогательное воплощеніе „отеческой любви“ нашего „батюшки“ къ своимъ „дѣтушкамъ“! Шесть лѣтъ тому назадъ мы слышали изъ высочайшихъ устъ царское спасибо молодцамъ Фанагорійцамъ, разстрѣлявшимъ мирныхъ рабочихъ, теперь этотъ выговоръ .... Нѣтъ, не намъ надѣяться на милости съ высоты престола!

Довольно мы ждали, надежды полны,
Онъ насъ обманулъ, одурачены мы!

Да и можетъ ли быть иначе? Что такое, въ самомъ дѣлѣ, русскій императоръ? (Мы не про Николая Александровича говоримъ, а про это почтенное званіе вообще). Вѣчно запуганный, вѣчно дрожащій за свое существованіе, онъ является жалкой игрушкой въ рукахъ своихъ приближенныхъ. Пожелали наши самодержавные чиновники пригрозить земству, — и царь, какъ школьникъ на экзаменѣ, выкрикиваетъ фразы, зазубренныя имъ заранѣе со словъ министра . . . Да и всегда та же исторія. Что бы ни понадобилось господамъ министрамъ, какой бы подвохъ противъ народа ни замыслила безконтрольная шайка нашихъ высшихъ администраторовъ, царь неизмѣнно къ ихъ услугамъ. Стоитъ только всунуть ему въ руки перо, а ежели заупрямится, пугнуть призракомъ революціи, — и будьте покойны, онъ подпишетъ все, что угодно. Русскій императоръ — это просто казенный штемпель, на которомъ вырѣзана надпись „быть по сему“; вся разница въ томъ, что штемпель смазываютъ краской, а царя муромъ. И, понятное дѣло, власть принадлежитъ не штемпелю, а тому, кто его держитъ въ рукахъ, т. е. господамъ министрамъ. Послушаемъ же, что говоритъ г. министръ внутреннихъ дѣлъ. Передъ нами его циркуляръ отъ 12-го марта, разосланный губернаторамъ, градоначальникамъ и оберъ-полицеймейстерамъ. „Изъ доставлен-

ныхъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній„ г. министръ „усмотрѣлъ“, что побоища, устроенныя полиціей на улицахъ Петербурга, Москвы и Харькова „во многихъ случаяхъ едва ли могутъ быть признаны отвѣчающими требованіямъ той быстроты и рѣшительности которыя представляются безусловно необходимыми для немедленнаго устраненія возникшаго безпорядка и возстановленія нарушеннаго благочинія и общественнаго спокойствія.“ Значитъ мало еще убито и искалѣчено безоружнаго народа; на будущее время рекомендуется бить и калѣчить съ большею „рѣшительностью“. Но это не все. Отнынѣ не только поступки „обывателей“, но и сердца ихъ отданы подъ неусыпный надзоръ полиціи. Если на улицѣ или на троттуарѣ остановилось нѣсколько лицъ и если „явленіе“ это „не вызвано никакими основательными причинами“, то „чины полиціи должны немедленно предъявить требованіе разойтись, не останавливаться и слѣдовать своею дорогой.“ Стоитъ ,такимъ образомъ, тремъ-четыремъ пріятелямъ заговориться на улицѣ, — и городовой уже тутъ какъ тутъ: съ сознаніемъ святости выполняемаго долга читаетъ онъ въ ихъ сердцахъ, опредѣляетъ ихъ намѣренія, выясняетъ имѣли ли они „основательную причину“ къ таковой остановкѣ. Не признаетъ блюститель порядка причины основательной, — злонамѣренное скопище немедленно должно разсѣяться; въ противномъ случаѣ кутузка и судебное пре-

слѣдованіе. Министръ особенно подчеркиваетъ, что всѣ эти мѣры должны примѣняться ко всѣмъ лицамъ, „не взирая на ихъ званіе и положеніе, памятуя, что всѣ безъ различія обязаны безпрекословно подчиняться законнымъ распоряженіямъ полиціи". Вотъ онъ, нашъ россійскій демократизмъ! Передъ полиціей всѣ равны. И дѣйствительному статскому совѣтнику и простому рабочему предоставлены одинаковыя права: и тотъ и другой имѣютъ право въ любой моментъ попасть въ участокъ, а въ болѣе важныхъ случаяхъ получить на свою долю равное количество ударовъ нагайкою. Таковы предписанныя министромъ мѣры „предупрежденія" безпорядковъ и революціи. Если же, несмотря ни на что, безпорядки все-таки произойдутъ, „чины полиціи должны быть проникнуты одною лишь цѣлью: достигнуть быстраго возстановленія порядка ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО и принимать всѣ надлежащіе къ тому способы, не останавливаясь передъ необходимостью дѣйствовать строгостью и силой". Итакъ, разсудись плечо, размахнись рука! Сколько убитыхъ и раненыхъ окажется при водвореніи порядка, этотъ вопросъ вовсе не касается чиновъ полиціи, они даже НЕ ИМѢЮТЪ ПРАВА его обсуждать; ихъ ЕДИНСТВЕННАЯ цѣль — скорѣйшее прекращеніе безпорядковъ, и разъ по соображеніямъ полиціи порядокъ скорѣе всего будетъ возстановленъ, если перебить всю толпу до единаго человѣка, полиція ОБЯЗАНА это сдѣлать.

Какъ видите, товарищи, циркуляръ возвращаетъ насъ ко временамъ печальной памяти Ивана Грознаго. Россія снова раздѣлена на „опричнину“ — правительство, полиція, жандармы — и „земщину“ — весь остальной народъ русскій. Опричнинѣ все дозволено, она стоитъ надъ закономъ, земщинѣ ничего не дозволено, она объявлена внѣ закона. И любопытно, всѣ эти азіатскія мѣры принимаются въ интересахъ „общественнаго спокойствія“. Что же такое это общество, спокойствіемъ котораго такъ озабочено отечески-любвеобильное сердце господина министра? Общество?... Да вѣдь это мы съ вами, товарищи! Мы, земщина, тѣ самые ремесленники, рабочіе, студенты, которые вышли на улицу въ Москвѣ и другихъ городахъ. Насъ обѣщается бить и калѣчить господинъ министръ, и все ради нашего же собственнаго „спокойствія“ Нѣтъ, товарищи! Не объ обществѣ заботятся наши министры, а только о самихъ себѣ, не общественную безопасность и спокойствіе защищаютъ они, а безопасность и спокойствіе правительства хотятъ оградить отъ общества. Есть, говорятъ, гдѣ то счастливыя страны, въ которыхъ правительство служитъ народу, ну а у насъ не такъ: у насъ народъ слуга, мало того, рабъ правительства; наше правительство не задумалось бы отправить на тотъ свѣтъ хоть половину своихъ „вѣрноподданныхъ“, если бы ему угрожала отъ нихъ малѣйшая опасность. Только м о ж е т ъ л и оно это сдѣлать?

Г. министръ внутр. дѣлъ полагаетъ, что мо-

жетъ. Онъ „твердо увѣренъ„, что при внимательномъ, разумномъ и строгомъ отношеніи къ дѣлу со стороны властей уличные безпорядки (а тѣмъ паче, конечно, революціи) и м ѣ т ь м ѣ с т а н е д о л ж н ы, а потому отвѣтственность за нихъ и всецѣло возлагается на должностныхъ лицъ подлежащаго вѣдомства. Счастливая увѣренность! И какъ жаль, что во Франціи прошлаго вѣка, а въ остальной Европѣ 50 лѣтъ тому назадъ, не оказалось такого дальновиднаго и распорядительнаго чиновника, какъ Его Высокопревосходительство, господинъ Сипягинъ: вѣдь не было бы тогда ни великой французской революціи, ни революціи 48 года. На французскомъ престолѣ сидѣли бы попрежнему добрые старые Бурбоны, не существовало бы зловредной нѣмецкой соціалдемократіи, объ анархистахъ и говорить нечего: имъ бы, что называется, и пикнуть не дали .... однимъ словомъ, по всему божьему міру царила бы такая же тишь, да гладь, да господня благодать, какъ въ нашей богоспасаемой матушкѣ Руси. Отъ какихъ пустяковъ, подумаешь, зависитъ ходъ исторіи человѣческой! Коли ежели бы ко французскому королю Людовику шестнадцатому да прикомандировать бы нашего г. Зубатова, да генерала Клейгельса еще, — такъ, глядишь, и никакихъ непріятностей съ нимъ бы не случилось, и умеръ бы онъ себѣ спокойненько на своей царской постелькѣ, а не отъ руки злодѣя палача.

Эхъ, господинъ министръ, господинъ ми-

нистръ! Неужели же вы и въ самомъ дѣлѣ такъ вѣрите въ несокрушимую мощь „должностныхъ лицъ подлежащаго вѣдомства„? Неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что ваша сила въ расторопныхъ городовыхъ и ловкихъ шпіонахъ? Неужели вы незнаете, что власть деспотовъ, какъ и вообще всякихъ идоловъ, держится невѣжествомъ и суевѣрнымъ страхомъ массы народной той самой „земщины", которую вы теперь объявили внѣ закона?

Лѣтъ этакъ съ тысячу тому назадъ въ городѣ Кіевѣ гордо возвышался къ небу огромный идолъ Перуна. Полновластно царилъ этотъ могучій богъ надъ нашими предками-славянами: онъ держалъ въ своей грозной десницѣ громъ и молнію, передъ нимъ приносились человѣческія жертвы, никто не смѣлъ приблизиться къ его статуѣ безъ священнаго трепета. Долго ли, коротко ли, — но нашлась наконецъ кучка смѣлыхъ людей: привязали они къ ногамъ идола веревку, свалили его на землю и поволокли къ рѣкѣ. Въ ужасѣ распростерся народъ ницъ; онъ ждалъ немедленной жестокой кары: вотъ-вотъ земля содрогнется отъ ужасныхъ раскатовъ грома и неумолимый небесный огонь пожретъ дерзкихъ святотатцевъ вмѣстѣ съ оскверненнымъ ими городомъ. Но минуты бѣжали за минутами, и все оставалось спокойнымъ. Ясное солнце безмятежно играло въ голубомъ весеннемъ небѣ, птицы съ веселымъ щебетаньемъ переносились съ вѣтки на вѣтку, ничто не нарушало радостной картины яснаго ликующаго дня. А самодержецъ неба и зем-

ли представлялъ, между тѣмъ, самую жалкую, самую смѣшную фигуру: привязанный къ хвостамъ двухъ коней, безпомощно уткнувшись лицомъ въ землю, бороздилъ онъ своимъ божественнымъ носомъ придорожную пыль .... И спала пелена съ глазъ народныхъ: смѣло бросилась толпа къ идолу, схватила своего вчерашняго властителя за ноги и съ громкимъ смѣхомъ бросила его въ быстрыя воды Днѣпра. Она поняла, что передъ нею вовсе не вседержитель міра, а самый обыкновенный деревянный чурбанъ, вся сила, вся мощь котораго покоилась на томъ, что народъ вѣрилъ въ его силу, народъ придавалъ ему несуществующую мощь.

Такой же чурбанъ, обоготворенный народнымъ суевѣріемъ, и наше всемогущее правительство. Взгляните на нашихъ высшихъ сановниковъ, отъ имени которыхъ проливаются рѣки крови народной, взгляните на этихъ дряхлыхъ, изнуренныхъ геммороемъ стариковъ, отупѣвшихъ отъ безсмысленной канцелярщины, утратившихъ всякое чутье дѣйствительной жизни. Въ чемъ источникъ ихъ чудотворнаго могущества? Конечно не въ ихъ велерѣчивыхъ „отношеніяхъ„ и „предписаніяхъ„, этихъ жалкихъ клочкахъ бумаги, исписанныхъ безтолковымъ, уродливымъ языкомъ. Или, быть можетъ, въ ихъ кургузыхъ вицъ-мундирахъ кроется таинственная сила? Ужъ не даютъ ли имъ власть надъ „вѣрноподданными" тѣ крестики, звѣздочки, яркія ленточки, тѣ блестящія побрякушки, которыми они съ такой дѣтской радостью

украшаютъ свои изсохшія груди? Нѣтъ товарищи! Не въ правительствѣ источникъ его власти надъ нами, а въ насъ самихъ. Всегда и вездѣ рабы сами создавали себѣ господъ. Это мы долгіе годы смотрѣли на каждую казенную бумагу, какъ на священное откровеніе, это мы трепетали передъ блескомъ правительственнаго мундира, мы обоготворяли каждую обезьяну-увѣшанную орденами... Но довольно! Время вавилонскаго плѣненія прошло, время суевѣрнаго раболѣпства передъ нами же самими созданными идолами миновало. Теперь мы уже не рабы, мы свободные люди; открыто и смѣло, на улицахъ и площадяхъ возвышаемъ мы свой независимый голосъ!

И смотрите, несокрушимая твердыня самодержавія, эта неприступная крѣпостъ, построенная на костяхъ человѣческихъ, уже колеблется, правительство уже теряетъ подъ собой почву, не знаетъ что ему дѣлать. Въ Кіевѣ оно расшаркивается передъ демонстрантами, старается мягкими, вкрадчивыми рѣчами утишить бурю народнаго негодованія, наоборотъ, въ Петербургѣ ужасаетъ міръ своей жестокостью; оно спѣшитъ сдѣлать уступку, распускаетъ подъ рукой слухъ объ отмѣнѣ „временныхъ правилъ“ и въ то же время министръ внутреннихъ дѣлъ возстановляетъ опричнину. Наше начальство, столь мудрое и предусмотрительное, внезапно оказалось безъ руля и безъ вѣтрилъ: безпомощно бросается оно то въ ту, то въ другую сторону, не знаетъ на чемъ остановиться.

Даже самъ господинъ Сипягинъ, при всей его горячей вѣрѣ въ городовыхъ и шпіоновъ, не чуждъ, повидимому, нѣкоторыхъ колебаній и спасительнаго страха. Прибѣгать къ дѣйствію войскъ не слѣдуетъ, по его мнѣнію, „безъ крайней къ тому необходимости, такъ какъ пріучать толпу къ вызову войска, если дѣйствія послѣдняго ограничиваются пассивнымъ присутствіемъ на мѣстѣ безпорядковъ, совершенно не желательно. Слѣдуетъ, напротивъ, вселить въ населеніе увѣренность, что появленіе войска указываетъ не только на возможность, но и на необходимость пустить въ дѣло оружіе.“ Какое доброе и мягкое сердце у г. Сипягина! Онъ, видите ли, преисполненъ къ намъ жалости, онъ опасается, что мы настолько привыкнемъ къ виду войска, что уже вовсе перестанемъ его бояться; и тогда прійдется перестрѣлять слишкомъ многихъ изъ насъ. Бываетъ, значитъ, и на старуху проруха, и у г. Сипягина нѣтъ-нѣтъ, да и пробьется что то похожее на человѣческое чувство.

Да полно, такъ ли? Точно ли опасается г. министръ? Не боится ли онъ скорѣе пріучить войска къ нашему виду, къ виду революціонной толпы? Не боится ли онъ, что наши братья и подъ солдатскимъ мундиромъ сумѣютъ почувствовать то же, что воодушевляетъ насъ, и не захотятъ быть нашими палачами? Этого, дѣйствительно, стоитъ бояться. Тутъ ужъ пожалуй и самые расторопные городовые не вывезутъ. А что такія опасенія имѣютъ основа-

нія, доказываетъ присутствіе офицеровъ въ толпѣ петербургскихъ демонстрантовъ; да и въ другихъ мѣстахъ многіе офицеры считаютъ позорной ту роль, которую „временныя правила„ навязали арміи: армія не каторжныя работы, говорятъ они, и подаютъ въ отставку. Чего добраго въ моментъ рѣшительной борьбы истинно „вѣрноподданными" и впрямь окажутся одни городовые, шпіоны, да жандармы.

Но не будемъ обольщать себя надеждой на легкую побѣду. Идолы, цѣлые вѣка властвовавшіе надъ умами народа, не падаютъ сразу, суевѣрія, впитавшіяся въ плоть и кровь десятковъ поколѣній, не исчезаютъ, какъ по мановенію волшебнаго жезла. Не мало еще прольется крови народной, прежде чѣмъ мы сбросимъ нашего петербургскаго Перуна въ волны Невы. Но борьба начата и поздно уже отступать передъ жертвами. Не забывайте, товарищи, что если мы, первые, развернувшіе знамя борьбы, и погибнемъ, то дѣло свободы не умретъ вмѣстѣ съ нами: изъ костей нашихъ возстанутъ тысячи мстителей и не сложатъ они оружія, пока не наступитъ великій день полнаго торжества.

Товарищъ, вѣрь, взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья,
Россія вспрянетъ ото сна
И свергнетъ иго самовластья!

Заря уже занялась, Россія уже просыпается. Свобода!... Это сильное, гордое слово такъ до-

лго томившееся у насъ въ глубокихъ подземельяхъ за семью замками, наконецъ, вырвалось на вольный воздухъ; громовыми раскатами пронеслось оно от одного конца Россіи до другого, могучим эхомъ откликнулось въ сердцахъ сотенъ тысячъ рабочаго люда. Красное знамя рабочей революціи уже вспыхнуло яркимъ пламенемъ надъ народной толпой въ Харьковѣ, въ Кіевѣ, въ Москвѣ. Высокую задачу возложила на тебя исторія, русскій рабочій! Тебѣ предначертано стать во главѣ народа въ его великой освободительной борьбѣ.

Товарищи, вы не разъ уже наносили пораженія самодержавію, не разъ заставляли его итти на уступки. Наступило время окончательной, рѣшительной схватки. Уже не уступокъ просимъ мы теперь у начальства: не надо намъ ни его милостей, ни его заботъ. Одного хотимъ мы: свободы! Одного требуемъ отъ правительства: „прочь съ дороги!“ Довольно съ насъ „отеческой“ опеки! Мы взрослые люди и отнынѣ желаемъ сами, черезъ своихъ свободно избранныхъ представителей, ковать свою судьбу!

ДОЛОЙ САМОДЕРЖАВІЕ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ ЗЕМСКІЙ СОБОРЪ!

Печ. въ соб. типогр